

Деньги выдавали не наличными, а банковским чеком, который можно было обналичить в Эйденвилл Банке, находившимся в ста с небольшим метрах от участка.

- Не ходи туда в день выдачи, народу тьма, - посоветовал Большой Мак.

- Понял, - кивнул Орвицка. Совет Большого Мака явно основывался на горьком опыте.

- Конечно, у нас каждую неделю бывает небольшой дополнительный доход, - понизив голос, добавил Большой Мак. - Я потом поделюсь с вами.

Орвицка на мгновение замер:

- Премия?

- Нет, пожертвования, - Большой Мак подмигнул Орвицке. - Иногда деньгами, но чаще продуктами. Например, завтра нам привезут целую телегу свежей рыбы.

Вчера Орвицка думал, что Большой Мак окажется взяточником, но тот не только не брал взятку, но и предостерегал Орвицку от получения личных подношений. А теперь это...

"Нет, стоп", - Орвицка понял кое-что другое. - "На Западе политические жертвования - это законно. Жертвования полицейскому участку, похоже, тоже. Я читал новости о том, как оружейные ассоциации жертвовали деньги полиции - именно деньги, а не снаряжение. И все жертвования предназначались не лично Большому Маку, а всему участку".

Значит, это тоже было законно?

Неожиданно для себя он столкнулся с таким "законным" доходом. Орвицка испытал смешанные чувства - не гнев или отвращение, а просто легкое недоумение от того, что это противоречило его привычным представлениям. Впервые столкнувшись с подобным, он чувствовал себя немного странно.

- Ты умеешь готовить рыбу? - спросил Большой Мак. - Могу попросить Маршу приготовить для тебя.

- Можно отдать мою долю вам? Я не ем рыбу, - отказался Орвицка.

- Не ешь рыбу? - Большой Мак удивленно посмотрел на него.

- Правда не ем. Я однажды подавился костью, - при этих словах всплыл еще один фрагмент памяти: прежний Орвицка тоже давился рыбной костью.

Маленький мальчик мучительно кашлял, плакал тоненьким голоском, зажимая горло. Нежная женщина обняла его, велела закрыть глаза и открыть рот, обещая сотворить волшебство.

Мальчик почувствовал холодок в горле, и мучительное ощущение боли, зуда и удушья мгновенно исчезло.

Орвицка сказал это, потому что полагал, что в будущем его пути вряд ли пересекутся с кругом общения прежнего владельца тела, включая отца, уехавшего в колонии на Южный континент. Он мог беззастенчиво быть собой, а не подражать прежнему Орвицке.

Но кто бы мог подумать? В их детстве были схожие травмирующие переживания.

Та женщина была матерью прежнего Орвицки.

Она умерла, когда ему было всего пять лет, и он знал ее только по портретам. У нее были светло-золотистые волосы и серые глаза, и она была очень миниатюрной. Внешностью прежний Орвицка пошел в основном в нее, и рядом со старым Мондэйлом почти никто не признавал в них отца и сына.

Орвицка потер лоб. В его воспоминаниях о раннем детстве прежнего Орвицки отец появлялся только на праздник святого Иоанна, в остальное время воспоминаний о нем почти не было...

- Какая жалость, - голос Большого Мака прервал размышления Орвицки. - Рыба - это вещь хорошая.

- Знаю, что хорошая, но как только я ее ем, начинаю паниковать, - Орвицка потер горло. - Мне уже сейчас кажется, что в горле першит. Большой Мак, мне нужно купить мяса. Как думаете, если я зайду после работы, в мясной лавке еще что-нибудь останется?

- Зачем ждать конца работы? Пойдем прямо сейчас, скажем, что пошли на выезд, - решил Большой Мак. Он поднялся и повел Орвицку за собой. Они зарегистрировали у Бандиника выезд на задержание пьяниц.

В журнале Бандиника Орвицка увидел целую вереницу записей о задержании пьяниц... Похоже, это была стандартная причина для "служебных" отлучек у всего участка.

Им повезло: едва выйдя на улицу, они увидели приближающийся общественный паровой трамвай. В два часа дня он был еще менее загружен, чем вчера утром. Фактически, кроме Орвицки и Большого Мака, пассажиров не было.

Кондуктор был тот же самый и все так же выглядел подшофе. Похоже, смен у них не было.

Он ерзал на сиденье, переводя взгляд с Большого Мака на Орвицку и обратно. Наконец, не выдержав, он заговорил:

- Эй, господа, слышали? Городская управа собирается строить новые линии трамвая!

Большому Маку это было явно неинтересно. Как только кондуктор заговорил, он отвернулся к окну, демонстрируя полное нежелание общаться.

- Новые линии? В других городах? - Орвицка же сейчас жадно впитывал любую информацию об этом чужом мире.

Найдя собеседника, кондуктор оживился, ему было все равно, кто это - Большой Мак или новичок Орвицка.

- Нет! Конечно, нет! Они собираются прокладывать линии под землей! Можете себе представить? Сумасшедшая идея! Кто, черт возьми, согласится спускаться под землю, чтобы сесть на трамвай? - возмутился он.

- Под землей? - "Так это же метро! Неужели еще один переселенец?"

- Да, просто кощунство какое-то! Говорят, господа подсмотрели идею у Пустонской империи. У той сумасшедшей женщины и ее сумасшедшей страны. Говорят, там женщины могут заседать в совете наравне с мужчинами! Женщины - и господа? Ученые мужи давно сказали, что женщины от природы глупее мужчин! Слабые и глупые! - брызгал слюной кондуктор.

"Опять идеи королевы Анроны", - Орвицка мысленно успокоился.

- Правда? - холодно спросил Орвицка, не желая слушать рассуждения этого типа о мужском превосходстве. - Но глядя на вас, я ощущаю только мужскую глупость.

- Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! - Большой Мак, казалось, все это время безучастно смотревший в окно, вдруг разразился своим заразительным смехом.

Орвицка приготовился к тому, что кондуктор вспылит, но тот лишь на мгновение опешил от его слов. А когда рассмеялся Большой Мак, он и сам расплылся в глупой улыбке и захихикал вместе с ним.

Весь вагон наполнился на удивление веселой атмосферой.

На улице Длинной Канавы все было так же, как и вчера в это же время. Портовые грузчики возвращались домой. Большинство из них шли ссутулившись, с пустыми, отсутствующими взглядами.

На обочине визгливо играли дети, в темных углах к стенам прислонились женщины легкого поведения. Время от времени кто-нибудь из бредущих мужчин вдруг сворачивал к одной из них, и они вместе исчезали в узких, даже в полдень мрачных переулках.

Мимо спешили женщины и подростки, хмурясь и невольно стискивая зубы от безысходности...

При виде Орвицки и Большого Мака все замирали шагах в десяти, тут же опускали головы и торопливо уступали дорогу. Орвицка даже заметил, как кто-то шарахнулся в ближайший переулок.

Эх, значит, когда Большой Мак рассказывал, как он ночью увидел двух типов у задней двери банка и тут же бросился их ловить, он действительно по опыту понял, что что-то не так.

Полицейские в этом мире были не "дядями Степами-милиционерами". Орвицка заставил себя запомнить это раз и навсегда.

Стоило ступить на эту улицу, как, несмотря на всю ее кажущуюся оживленность, настроение Орвицки резко падало. Он не чувствовал здесь жизни, только какую-то гнетущую, затхлую мертвенность.

Атмосфера была слишком тяжелой, нужно было нарушить молчание. Он увидел таверну "Крюк".

- Значит, таверна "Крюк" принадлежит банде Крюка, - начал он разговор. - А у банды Молота есть какие-нибудь заведения в Рыбьем Хвосте?

- Есть, - ответил Большой Мак. - Наше общежитие.

- ... - от удивления Орвицка разинул рот и смог закрыть его только через четыре-пять секунд.

- Впрочем, в прошлом году здание было полностью передано участку, теперь это собственность участка, - пояснил Большой Мак. - Пицца Таута тоже принадлежит банде Молота. Владелец, Барри Таут, - зять главаря банды Молота, Хомана Ктона. Антони Ктон, который сидит в тюрьме, - его третий сын. Старший сын, Винстер Ктон, - правая рука Хомана, часто выполняет грязную работу. Второй сын, Чарли Ктон, - писарь в мэрии. У него есть еще младший сын, Кол Ктон, вон он.

Большой Мак внезапно указал пальцем. Орвицка проследил за его взглядом и увидел единственную на улице Длинной Канавы парикмахерскую.

- Тот парикмахер? - не понял Орвицка.

- Конечно, нет. Тот, что пробежал мимо.

- Пробежал мимо?

- Сейчас он мочится на стену, - уточнил Большой Мак.

- ??? - Орвица неуверенно переспросил: - Тот ребенок?

Под описание Большого Мака подходил только один мальчик лет семи-восьми, который беззастенчиво справлял нужду в углу.

- Конечно, я же сказал - младший сын, - подтвердил Большой Мак.

- ... - это слово на нортонском языке могло означать и "младший сын", и "маленький ребенок". - Зачем оставлять ребенка в таком месте?

Судя по тому, что рассказал Большой Мак, семья Ктон могла бы обеспечить ребенку лучшие условия, по крайней мере отправить его в школу.

- Младшая дочь Батлери живет у старого Хомана, - пояснил Большой Мак.

- Обмен заложниками? - догадался Орвица. - Поэтому эти две банды до сих пор мирно сосуществуют?

В глазах Большого Мака мелькнуло удивление.

- Да. Знаешь, три года назад в Рыбьем Хвосте каждую неделю случались бандитские разборки. Каждый раз гибло минимум три-четыре человека, а однажды - двадцать четыре, включая двух полицейских. Так что госпожа Батлери - дама, достойная уважения. В этом мире много достойных уважения дам.

- ...Да. Мужество и мудрость дам часто заставляют меня, мужчину, испытывать стыд, - искренне согласился Орвицка.

Он только что думал, что это была идея старого Хомана, но оказалось, что это была инициатива госпожи Батлери, которая при первой встрече произвела впечатление женщины, кичащейся своим богатством перед простыми людьми.

В этом диком мире те, кто сумел сколотить состояние, не могли быть по-настоящему простыми людьми.

Они подошли к мясной лавке. Еще не войдя внутрь, Орвицка услышал: "Ко-ко-ко-ко! Кооо".

Это был предсмертный крик курицы.

Открыв дверь, Орвицка увидел высокую крепкую женщину, ошипывавшую все еще дергающуюся куриную тушку.

Эта сцена вызвала у Орвицки странное, давно забытое чувство узнавания - его собственное, а не прежнего Орвицки.

Он родился в конце 80-х и в детстве еще застал городские рынки, где продавали живых кур. В памяти всплыл случай, когда родители поссорились на Новый год: мама попросила папу купить курицу, а папа принес белую курицу с большим гребнем. Мама разозлилась, решив, что это петух, и они страшно разругались из-за этой курицы.

В итоге оказалось, что это все-таки была курица - в ее животе нашлись яйца.

<http://bllate.org/book/17916/1715762>